

Н.Н. Старикова

**Об одной русскоязычной публикации
Э. Коцбека
(словенский след в журнале «Континент»)**

N.N. Starikova

**About one Russian-language publication
of E. Kocbek
(Slovenian trace in the magazine “Continent”)**

В статье представлены ранее неизвестные переводы на русский язык стихотворений Э. Коцбека, словенского поэта и общественного деятеля, одного из первых борцов с тоталитарной системой в Словении, опубликованные в парижском журнале русских эмигрантов «третьей волны» «Континент» в 1976 г.

Ключевые слова: словенская поэзия XX века, журнал «Континент», эмиграция, инакомыслие, поэтический перевод.

The article presents previously unknown Russian translations of poems by E. Kocbek, Slovenian poet and public figure, one of the first fighters against the totalitarian system in Slovenia, published in the Parisian magazine of Russian political emigrants of the “third wave” «Continent» in 1976.

Keywords: Slovenian poetry of the twentieth century, magazine «Continent», emigration, nonconformity, literary translation.

*Чтобы вполне понять какого-либо поэта,
надо его прочесть переведенным на все языки*

Н. Гумилёв

Эдвард Коцбек (1904–1981) — знаковая фигура словенской литературы и культуры XX в., литератор, политик, мыслитель, активный участник народно-освободительного движения, видный государственный деятель¹. В 1942–1946 гг. был

¹ См. Созина Ю.А. Коцбек Э. // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 198–199.

вице-председателем Исполкома АВНОЮ, министром по делам Словении в югославском правительстве, вице-председателем Президиума Скупщины Народной Республики Словения. В своих художественных и документальных произведениях именно Коцбек первым в словенской литературе сделал попытку показать военную действительность глазами христианина и гуманиста. Книга его партизанских дневников «Товарищество» (события мая 1942 — декабря 1943 гг.), вышедшая в 1949 г., — одно из самых достоверных свидетельств о словенской национально-освободительной борьбе и ее руководителях. Соединив документальный материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями, автор показал всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, поднял вопрос о роли и месте национальной интеллигенции во Второй мировой войне. Проблема моральной ответственности человека за свои поступки, по какую бы сторону фронта он ни сражался, интерпретируется в его рассказах из сборника «Страх и мужество» (1951) с позиций христианского экзистенциализма. Страх, так же, как и мужество, может быть одинаково присущ и героям-антифашистам, и врагам. Вера в Бога и абсолютный гуманизм — такова, по мысли Коцбека, нравственная основа поведения и выбора человека. Позднее он писал, что найти нужный ракурс ему помогла правда о войне, увиденная в книге В. Некрасова «В окопах Сталинграда», переведенной на словенский язык в 1947 г.² К подобной позиции была не готова не только партийная верхушка, но и само общество — рассказы Коцбека критики называли «плевком» на идеалы освободительной борьбы, их публикация была признана ошибкой, а автор, обвиненный в искажении образа партизана и религиозном мистицизме, около десяти лет пробыл в политической и литературной изоляции. В сборник вошли четыре новеллы — «Темная сторона луны», «Блаженная вина», «Огонь» и «Черная орхидея», в которых на первый план выдвигаются экзистенциальные и нравственные проблемы человека на войне — свобода, смерть, судьба, правда, вина. Авторский угол зрения заявлен в самом названии сборника, а

² *Kocbek E. Svoboda in najnost. Ljubljana, 1974. S. 117.*

также в выборе в качестве эпиграфа цитаты из книги пророка Исаии о тьме и страхе. Герои рассказов — молодые антифашисты, с оружием в руках защищающие родину от захватчиков. Они образованны, изучали философию, литературу, музыку, интеллектуальный уровень и культура выделяют их среди других партизан. В отличие от последних, герои-интеллигенты способны сомневаться в безусловности исторической необходимости. Впервые после войны получила резонанс и одна из больных тем недавнего военного прошлого — роль Католической церкви в расколе словенского общества в период оккупации. Переживания, сомнения, напряженная мыслительная деятельность человека, оказавшегося перед лицом нравственного выбора, составляют основу повествования. Художник большой эрудиции и культуры, Коцбек через прямые упоминания, аллюзии, ассоциативный ряд, цитаты вводит в текст не только национальный, но и широкий мировой историко-культурный и литературный контекст, в котором соседствуют Ф.М. Достоевский и Р.М. Рильке, Ф. Ницше и В.И. Ленин, И.Ф. Стравинский и М. Равель. Художник, не побоявшийся «в период директивной политической и идеологической ограниченности выбрать свободу творчества»³, стал для молодого поколения писателей образцом нонконформизма, его этическая позиция во многом определила роль национальной литературы в грядущих в республике общественно-политических трансформациях. Важнейшим шагом к демократизации словенского общества стала и публикация в 1975 г. сборника «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени», подготовленного писателями А. Ребулой и Б. Пахором. Содержащееся в книге интервью с поэтом, в котором тот предал гласности одну из запретных для социалистической системы тем — массового истребления ополченцев-домобранцев в 1945 г., по сути братоубийства, — получило в Словении широкий резонанс. Стало очевидно, что в обществе назрела необходимость сказать правду о войне, переосмыслить, а, порой, и полностью переоценить некоторые ее страницы. Литература первой сделала попытку показать истинное лицо существую-

³ *Virki T. Pomen zbirke Strah in pogum // Kočbek E. Strah in pogum. Ljubljana, 1996. S. 36.*

щей политической системы, пробуждая у читателей желание ее изменить. О неослабевающем интересе к личности и творчеству «поэта эпохи» свидетельствует вышедшая в 2011 г. монография видного словенского литературоведа Андрея Инкрета «И столетье покраснеет. Коцбек, жизнь и творчество»⁴, высоко оцененная критиками⁵.

Коцбек-поэт известен в русскоязычном пространстве благодаря усилиям Александра Даниловича Романенко, одного из первых ценителей, переводчиков и пропагандистов словенской поэзии в СССР. Благодаря ему увидели свет сборники О. Жупанчича («Пробуждение», 1961 и «Лирика», 1978), лирические стихи современных словенских поэтов (сборник «Земля и мужество», 1981), первая русскоязычная антология современной словенской лирики «Поэзия Словении. XX век» (1989). В книгу «Земля и мужество»⁶ вошли стихотворения пяти выдающихся и на тот момент действующих словенских поэтов: Э. Коцбека, Й. Удовича, М. Бора, Т. Павчека и Я. Менарта. В предисловии, названном автором «Мужество современника», Романенко объяснил свой выбор желанием показать разнообразие и потенциал словенской поэзии, поэтому в сборник вошли и «стихи крупнейших поэтов Словении старшего поколения, чье творчество в течение почти полувека во многом определяло движение и развитие поэзии республики», и произведения «гораздо более молодых [...] новаторов в области стиха»⁷. Каждый из поэтов представлен в среднем пятьюдесятью стихотворениями, что дает возможность почувствовать особенности индивидуально-стиля и поэтики каждого. Стихотворения Коцбека представлены в переводах А. Романенко, Г. Кружкова, Г. Плисецкого, В. Бурича и Ю. Левитанского. Впоследствии произведения из этого сборника вошли в первую антологию современной сло-

⁴ *Inkret A.* In stoletje bo zardelo. Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2011.

⁵ См.: *Paterni B.* Inkretov Kocbek. Prijemljiva podoba Kocbekove osebnosti // Delo, Književni listi, 16.03.2011. Режим доступа: <http://www.modrijan.si/slv/Knjizni-program/Knjizni-program/Knjige/DO-70/In-stoletje-bo-zardelo> (дата обращения: 28.04.2018).

⁶ Земля и мужество. Современная словенская поэзия. Сборник. Пер. со словен. М., 1981.

⁷ *Романенко А.* Мужество современника // Земля и мужество... С. 7.

венской лирики «Поэзия Словении. XX век»⁸, также составленную А. Романенко.

В ходе исследования автором данной статьи истории переводов словенской поэзии второй половины XX в. на русский язык выяснилось, что публикации 1981 г. предшествовал более ранний перевод четырех стихотворений Коцбека: «Теперь», «Руки», «Моя партизанская кличка»⁹, «Понт», который был сделан поэтом, переводчиком и литературным критиком В.П. Бетаки для журнала «Континент» (шестой номер за 1976 г.)¹⁰. Первые три стихотворения вошли также в обе вышеупомянутые советские книги.

Печатное издание «Континент» с подзаголовком «Литературный, общественно-политический и религиозный журнал» было основано в Париже в 1974 г. как орган свободной русской мысли, российского и общеевропейского антикоммунистического освободительного движения представителей «третьей волны» русской эмиграции. Одним из идейных вдохновителей этого замысла выступил писатель, литературовед и критик Андрей Донатович Синявский (1925–1997). С 1974 по 1992 г. «Континент» выходил в Париже, с 1992 по 2016 г. — в Москве. Его основатель — русский писатель Владимир Максимов (настоящее имя Лев Самсонов, 1930–1995), романы которого «Карантин» и «Семь дней творенья», не принятые ни одним издательством, широко ходили в советском самиздате. За них автор в 1973 г. был исключен из Союза писателей, помещен в психиатрическую больницу и в следующем году был вынужден эмигрировать. За 17 лет его бессменного редакторства «Континент» завоевал мировую славу как самый авторитетный журнал вольного русского слова за рубежом. Журнал собрал вокруг себя цвет русской, восточноевропейской, западной культуры, среди членов его редколлегии были четыре лауреата Нобелевской премии по литературе: Александр Солженицын, Генрих Бёлль, Чеслав Милош и Иосиф Бродский, а также Сол Бел-

⁸ Поэзия Словении XX век. Пер. со словен. / Предисл. Т. Павчека; сост. и справки об авторах А. Романенко. М., 1989.

⁹ В книге «Земля и мужество» название стихотворения звучит по-другому: «Мое партизанское имя».

¹⁰ Коцбек Э. Стихи // Континент. 1976. № 6. С. 147–150.

лоу, Милован Джилас, Роберт Конквест, Эжен Ионеско, Виктор Некрасов, Наум Коржавин, Александр Галич и др. Можно без преувеличения сказать, что в тяжкие годы застойного безвременья «Континент» спасал честь и достоинство русской интеллигенции и русской культуры, показав всему миру, что существует не только продавшее душу режиму холуйское псевдоискусство слова, но и мужество открытого ему противостояния. Журнал стал ведущим литературным органом русской европейской эмиграции, обращенным к насущным проблемам и задачам освободительного движения. Здесь безцензурно, в режиме открытой дискуссии формулировались позиции и выражались различные мнения о жизни и литературе, о прошлом, настоящем и будущем России. В Советский Союз номера журнала попадали с большими трудностями, подпольно, за его распространение и хранение можно было получить реальный срок заключения.

В разные годы в «Континенте» публиковались прозаики В. Аксенов, Ю. Алешковский, Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горенштейн, С. Довлатов, Вен. Ерофеев, В. Некрасов, поэты Д. Бобышев, И. Бродский, А. Галич, Н. Горбаневская, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, Н. Коржавин, В. Кривулин, Ю. Кублановский, Э. Лимонов, С. Липкин, И. Лиснянская, Л. Лосев, Г. Плисецкий, Г. Сапгир, Б. Чичибабин, публицисты, правозащитники, критики, мемуаристы А. Авторханов, М. Агурский, Л. Алексеева, А. Безансон, В. Бетаки, Н. Бетелл, И. Бирман, В. Буковский, М. Геллер, Т. Горичева, П. Григоренко, М. Джилас, А. Зиновьев, Э. Кузнецов, Ю. Мамлеев, Й. Миндсенти, А. Михник, М. Муравник, Э. Неизвестный, Ж. Нива, Б. Парамонов, Л. Плющ, Г. Померанц, К. Сапгир, А. Сахаров, А. Солженицын, В. Суворов, А. Терц, Ю. Фельштинский, Л. Чуковская, Е. Эткинд и многие др. В мемориальном отделе впервые были опубликованы фрагменты романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», проза Ю. Домбровского, письма Б. Пастернака, миниатюры В. Розанова, заметки А. Тарковского, сочинения и письма Н. Бердяева, Л. Шестова и др. На страницах «Континента» увидели свет многие из созданных в застойные годы произведений русской литературы и публицистики, вошедших впоследствии в золотой фонд русской культуры.

Журнал, как пишет в книге, посвященной Виктору Некрасову, его пасынок В. Кондырев, «держался [...] на подвижничестве Максимова, главного редактора. Но приводился [...] в движение и воплощался в реальность двумя невообразимыми трудягами — Таней Максимовой и поэтессой Наташей Горбаневской»¹¹. Вскоре работать в редакции начали эмигрировавшие во Францию в начале 1970-х годов Бетаки и его жена Вета Хамармер¹². Василий Павлович Бетаки (1930–2013) обладал большим поэтическим вкусом и, несмотря на нелегкую судьбу, искрометным чувством юмора. Сын художника-футуриста Павла Бетаки, он мальчиком пережил блокаду Ленинграда, во время которой погибли родители, в 1948–1949 гг., в самый разгар борьбы с «безродными космополитами», учился на Восточном факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и был свидетелем травли элиты советского востоковедения, был отчислен за неуспеваемость, в итоге в 1960 г. заочно закончил Литературный институт, где его наставниками были Павел Антокольский и Татьяна Гнедич. Первая книга стихов Бетаки вышла в 1965 г. в Ленинграде. Он успешно переводил английскую, американскую и немецкую поэзию, в 1971 г. стал победителем конкурса перевода трех «главных» стихотворений Эдгара По («Ворон», «Колокола», «Ulalume»). С 1973 г. жил во Франции, около двух десятилетий проработал на радио «Свобода» и в журнале «Континент», был одним из организаторов переправки в СССР запрещенных русских книг, изданных на Западе. Во Франции выпустил восемнадцать книг стихотворений, книгу статей о современных русских поэтах и восемь книг переводов. С 1989 г. снова начал публиковаться в России, был постоянным автором журнала «Звезда». В мемуарах он так описывает свое трудоустройство у Максимова: «Однажды Марья Синявская¹³, поначалу работавшая в редакции “Континента”,

¹¹ *Кондырев В.* Всё на свете, кроме шила и гвоздя. Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове. Киев — Париж. 1972–87 гг. М., 2011. С. 338–353. Режим доступа: <http://nekrassov-viktor.com/Friends/Maksimov-Vladimir.aspx> (дата обращения: 28.04.2018).

¹² Вета Хамармер (псевд. Виолетта Иверни), род. 1937 — театровед, поэтесса.

¹³ Мария Васильевна Розанова (р. 1929) — русский литератор и публицист, издатель, жена А.Д. Синявского.

предложила мне перевести для четвёртого номера журнала “несколько сонетов” чешского поэта Ярослава Сейферта и пообещала принести подстрочник. Я тут же попросил ее достать мне и чешский текст, считая, что как-нибудь, хоть отчасти, но в чешском тексте разобраться можно, а никакой подстрочник не может дать поэтической сути. В данном случае, русский подстрочник был очень тщательно сделан чешским физиком Франтишеком Яноухом, жившим тогда в Стокгольме. Это оказалась заглаженная, старательно отредактированная проза. Когда Марья принесла чешский текст, я открыл стихи и увидел, что речь идет не о “нескольких сонетах”, а о венке сонетов под названием “Праге”. По подстрочнику этого понять было нельзя, поскольку его “залитературенный” русский язык пренебрегал “всякими повторениями”. Я к этому времени запасся хорошим чешско-русским словарем, так что радостно ухватился за задачу — перевести венок венком! Кажется, переводных венков в русской поэзии еще не было¹⁴. Причем, случилось так, что этот венок был *впервые* опубликован в моем переводе — а по-чешски по цензурным причинам его не печатали еще несколько лет! Через несколько дней после выхода четвёртого номера “Континента” Сейферт позвонил из Праги в редакцию, узнал мой телефон и, перезвонив мне, на прекрасном и сочном русском языке благодарил в таких выражениях, которые, несмотря на всю мою хвастливость, я все же приводить не буду [...]. Скажу только, что я и до сих пор считаю, что этот венок — одна из моих главных удач, наряду с Эдгаром По и Сильвией Плат, которую я перевел уже в конце девяностых годов. [...] Видимо, Сейферт сказал что-то хорошее про меня и Володе Максиму, потому что Володя при встрече отвесил мне несколько неуклюжих комплиментов на эту тему. А вскоре он пригласил нас с Ветой работать в редакции. [...] [После того как автор похвалил мой перевод венка сонетов “Праге”, [...] Володя решил,

¹⁴ Это предположение Бетани не соответствует действительности — первым венком сонетов на русском языке был «Венок сонетов» Ф. Прешерна в переводе Ф. Корша. Об этом подробнее см.: Старикова Н.Н. Поэзия Прешерна в русских переводах и литературной критике // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 284–292.

что поэтические подюорей¹⁵ мы будем составлять в очередь с Натальей Горбаневской [...], что я и делал следующие двадцать лет»¹⁶. Из вышеприведенного отрывка ясно, что за поэтическое «лицо» журнала отвечал человек профессиональный и заинтересованный. Каким образом в поле его зрения попали стихи Э. Коцбека, выяснить не удалось, можно лишь предположить, как это могло произойти. «Соседями» Коцбека по шестому номеру оказались А. Сахаров, А. Солженицын, И. Бродский, В. Гроссман, М. Джилас и ряд других авторов. Возможно, на фигуру Коцбека обратил внимание Бетаки именно Джилас, с которым у этого политика и писателя на почве несогласия с генеральной линией развития югославского общества было много общего. Оба принадлежали к поколению, сыгравшему ключевую роль в освобождении народов Югославии от фашизма, оба занимали высокие посты в руководстве молодой страны, оба использовали свой литературный талант для выражения инакомыслия¹⁷. Во всяком случае, краткая биографическая справка об авторе, которой снабжена публикация, несмотря на фактические неточности, не оставляет сомнений в его несогласии с титовским режимом: «Коцбек Эдвард — словенский поэт, родился в 1904 году. Учился в Берлине и Лионе. Во время Второй мировой войны участвовал в антигитлеровском партизанском движении. Был министром культуры в правительстве Тито. В 1952 г. снят со всех политических постов. В настоящее время живет в Любляне»¹⁸.

Милован Джилас (1900–1995), коммунист с 1937 г., после войны министр по делам Черногории, секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ, один из вице-президентов Югославии, а затем председатель Союзной народной скупщины, с 1950-х годов открыто выступал с критикой правящей верхушки и подвергался за это преследованиям властей. Широкий резонанс

¹⁵ Подборки.

¹⁶ Бетаки В. Снова Казанова. Режим доступа: <http://bolvan.ph.utexas.edu/~vadam/betaki/memuary/V00.html> (дата обращения: 28.04.2018).

¹⁷ О позиции Джиласа-литератора см.: Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литературы Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 1995. Т. 1. 1945–1960. С. 326.

¹⁸ Коцбек Э. Стихи // Континент. С. 150.

получила его книга «Новый класс», вышедшая в 1957 г. в США и оказавшая существенное влияние на «делегитимизацию югославского режима»¹⁹. Его гражданская позиция, положение в СФРЮ и мировая известность полностью отвечали идейному замыслу Максимова, о котором упоминает, например, Н.Е. Горбаневская: «Путеводную мысль, которая руководила его (журнала «Континент». — Н. С.) созданием, Владимир Максимов изложил мне еще в Москве, незадолго до своего отъезда в Париж. Он сказал: “Мне предлагают делать на Западе журнал. Но я не хочу, чтобы это был еще один журнал русской эмиграции. Я соглашусь только при условии, что там будет объединена вся восточноевропейская оппозиция”»²⁰. Джилас вполне мог порекомендовать перевести стихи Коцбека, уже вышедшего из официальной опалы и вновь оказавшегося в центре внимания, благодаря сборнику Пахора и Ребулы. Важно также, что к этому моменту его поэзия широко переводилась на сербскохорватский язык²¹, в том числе стихотворения из сборника «Ужас» (1963), вышедшего после протяженной творческой паузы (дебют поэта — сборник экспрессионистской направленности «Земля» — состоялся в 1934 г.). В своей послевоенной книге, как отмечает литературовед И. Новак-Попов, автор с позиции «биоцентрической метафизики» «ведет диалог с парадигмой партизанской поэзии»²². Четыре стихотворения из подборки Бетаки, ранее уже были опубликованы в Сербии и Хорватии: «Руки» — в белградской газете «Дело» («Труд») в 1965 г.²³, «Теперь» и «Понт» — в загребском журнале «Forum» («Форум») в 1968²⁴, «Мое партизанское имя» — в белградской газете «Политика» в 1969 г.²⁵. Их публикация в «Континенте»

¹⁹ Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 687.

²⁰ Горбаневская Н. Солидарность: немного истории // Новая Польша. 2001. № 9. Режим доступа: <https://novpol.org/ru/rJsghezujZ/SOLIDARNOST-NEMNOGO-ISTORII> (дата обращения: 28.04.2018).

²¹ Mitrović M. Edvard Kocbek v srbskih/hrvaških prevodih // Recepcija slovenske književnosti. Obdobja 33. Ljubljana, 2014. S. 302.

²² Novak Popov I. Paradoksi v Kocbekovi poezije // Slavistična revija, 1992. Letnik 40. Št. 4, oktober–december. S. 478, 480.

²³ Kocbek E. Zbrano delo. Druga knjiga. Ljubljana, 1995. S. 556. Оригиналы цитируются по этому изданию.

²⁴ Ibid. S. 306, 307.

²⁵ Ibid. S. 313.

снабжена подзаголовком «Вольный перевод со словенского», нельзя исключить, что, работая с оригиналом, Бетаки, помимо подстрочника, мог использовать и тексты на сербскохорватском языке. В задачу автора данной статьи не входит анализ качества проделанной Г. Кружковым, А. Романенко и П. Бетаки работы, но разница в их подходах очевидна. Первые два переводчика подходят к воспроизведению поэтики парадокса, присущей Коцбеку, с максимальной скрупулезностью, иногда даже в ущерб универсальности метафор и звукописи стиха. Бетаки же более склонен ритмически и рифмически облагородить, поэтически гармонизировать тревожную, полемически острую интонацию Коцбека, для которой характерен как раз отказ от рифмы и метра, приближение стиха к афористичной прозе. Однако при всей свободе манипуляций с оригиналом, обусловленной, в том числе и недостаточным знанием контекста жизни и творчества словенского поэта, Бетаки стремился к главному: отождествить свое «я» с мироощущением автора — «услышать вещь у истока» (М. Цветаева²⁶) и найти краски ее адекватного звучания на другом языке. Это показывают приведенные ниже тексты оригиналов и переводов.

«Руки» (первоначальное название «Кровавые руки»²⁷) — одно из программных для Коцбека послевоенных стихотворений, в котором воплощена вся амбивалентность экзистенциальной ситуации человека, судьба которого зависела от исторических катаклизмов XX в.

ROKE

*Med svojima rokama sem živel
kakor med dvema razbojnikoma,
nobena izmed njiju ni vedela,
kaj je počejala druga,
levica je bila nora od srca,
desnica pa pametna od spretnosti,
ena je jemala, druga izgubljala,
druga pred drugo sta se skrivali
in opravljali polovična dela.*

²⁶ Цит. по: Белкина М. Скрещение судеб. М., 2005. С. 160.

²⁷ Коцбек Э. Zbrano delo. Druga knjiga. S. 555.

*Ko sem danes bežal pred smrtjo
in padal in vstajal in padal
in se plazil po trnju in skalovju,
sta mi bili roki enako krvavi.
Razpel sem ju kot žrtvena ročaja
velikega tempeljskega svečnika,
ki z enako vnemo pričujeta.
Vera in nevera sta bili en sam plamen,
vzdigoval se je visok in vroč.*

РУКИ

*Между двумя своими руками я жил,
как между двумя разбойниками, и ни одна
из них не ведала,
что затевает другая.
Левая была безумием заражена
от сердца, а правая была разумна вполне,
потому что умела ловчить.
одна все время брала,
а другая все время теряла*

*Но когда я сегодня от смерти бежал,
Спотыкался, и падал, и вновь подымался,
и продирался сквозь терн,
и карабкался по камням,
обе руки одинаково я окровавил.
Я раскинул их в стороны,
Как две ручки большого светильника в
храме
в одинаковом их усердии. Сомненье и вера
стали одним горящим огнем,
он взымался буйно и жарко.*

(перевод Г. Кружкова)

*Так и жил я между собственных рук:
Две руки — как два бандита с двух
боков...*

*Ни одна из них не знала,
Что другая вытворяла!
Ох, сбежал бы я от них — и был таков!
Правой, ловкой и расчетливой, везло.
Левой жизнь была — одна беда.
Та берет, а та — теряет, как на зло...
И не мог я помирить их никогда...*

*Но однажды я от смерти бежал,
Камни с шумом осыпались из-под ног,
Сквозь терновник продирался,
Лез на скалы, вновь срывался,
И упал я и подняться не мог..
И тогда я руки к небу*

*простер,
Окровавленные руки в огне,
И пылал над ними звездный
костер,
И шуршали облака в тишине.
Словно храмовый светильник —
изгиб*

*Двух дрожащих, двух пылающих рук...
И неверие и вера — в виски
Плеском пламени ударили вдруг...*

(перевод В. Бетаки)

Стихотворения «Мое партизанское имя», «Теперь», и «Понт» имеют прямые коннотации с эпизодами человеческой и творческой биографии Коцбека.

MOJE PARTIZANSKO IME

*Nič ti ne pomaga, Pavle,
zate ni nobene krogle,
zate ni nobenega drevesa
in nomenega mlinskega kamna,
obsojen sin na življenje,
boj se samega sebe, Pavle.*

*Nič ti ne pomaga,
gleženj so ti zlomili
in oči napolnili z žerjavico,
jezik so ti zapleli
in te pustili v Diogenovem sodu,
boj se samega sebe, Pavle.*

*Nič več ti ne pomaga,
zate ni niti črnega konja
niti belega velbloda
niti oral na rdečem nebu,
obsojen sin na nesrečno zemljo,
boj se samega sebe, Pavle.*

*Nikjer ni zidu objokovanja
in velikih kijevskih vrat,
tuji maček pije materino mleko
in prijatelj Hamlet dobiva trebuh,
obsojen si na pošast, veseli se samega sebe, Pavle.*

МОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ИМЯ

*Нет тебе помощи, Павле,
нет для тебя пули,
нет для тебя дерева,
не найдется и жернова,
жить ты осужден –
самого себя бойся. Павле.
Нет тебе помощи,
ноги тебе сломали,
и глаза наполнили углем,
и губы замкнули –
барахтайся в Диогеновой бочке,
самого себя бойся, Павле.*

*Нет тебе помощи больше,
черного скакуна нет для тебя,
нет и верблюда белого,
и орла в небе багровом,
осужден ты жить на несчастной земле,
самого себя бойся, Павле.
Нет нигде стены плача
и великих киевских врат,
чужой кот молоко материнское лижет,
и наш Гамлет жирком обрастает,
осужден ты чудовищем быть,
радуйся самому себе, Павле.*

(перевод А. Романенко)

МОЯ ПАРТИЗАНСКАЯ КЛИЧКА

*Это тебе не поможет,
Смерть обойдет стороной.
Ничто тебе не поможет,
Ты предан судьбе иной:
Для тебя – ни пули, ни дерева,
Ни жернова – ничего!
Павел, на жизнь осужденный,
Бойся себя одного!
Это тебе не поможет...
Павел, настанет час,
И алыми углями выжгут
Живое свечение глаз,
Язык твой узлом завяжут,
И не будет вокруг никого.
Живи в диогеновой бочке,
Бойся себя одного!
Это тебе не поможет –
Жизнь твою сохранят.
Ни белый верблюд, ни черный конь
Тебя не доставят в ад.
И даже зловещие грифы
Не тронут зрачка твоего...
Обреченный бесплодной пустыне –
Бойся себя одного!
Не увидишь ты Стену Плача –
Для тебя ее в мире нет!
Золотые Ворота Киева?
И к ним потерялся след...
Кот чужой и зловещий
Пьет молоко матерей,
И жиреет приятель Гамлет,
Забыв о судьбе твоей...
Бойся себя, Павел, бойся себя...*

(перевод В. Бетаки)

ZDAJ

*Kadar sem govoril,
so rekli, da sem nem,
kadar sem pisal,
so rekli, da sem slep,
ko pa sem odšel od njih,
so rekli, da sem hrom.
In ko so me klicali nazaj,
so ugotovili, da sem gluh.
vse čute so mi zmešali
in presodili, da sem blazen.
Zdaj sem srečen.*

ТЕПЕРЬ

*Когда я говорил,
сказали, что я немой,
когда я писал,
сказали, что я слепой,
когда я ушел от них,
сказали, что я хромой.
А когда меня позвали назад,
узнали, что я к тому же глухой.
Смешались все чувства мои,
и тогда рассудили, что я не в себе.
и счастлив теперь.*

(перевод А. Романенко)

*Когда я кричал во всю глотку,
Сказали, что я немой.
Когда я ушел и плюнул –
Сказали, что я хромой,
Писал я черным по белому –
Меня объявили слепым,
И мысли мои переделали,
Как захотелось им,
Назвали конного пешим,
Смешали добро и зло,
И я же еще помешаный!
...Вот как мне повезло!*

(перевод В. Бетаки)

PONT

*Tu, kjer sem, je Pont.
Pont je izgnanstvo.
Izgnanstvo spominja na raj,
toda raja se ne morem spomniti,
kajti gonivec se je izognil,
izginil je v neznano,
izgnanci smo ostali sami.*

*Poslušamo drug drugega
in se komaj le razumemo,
ko obdelujemo polja
in gradimo nasipe rekam,
naše navade so jalove
in naša bolečina je prazna,
velikega gonivca ni več.*

*Izgnanstvo je postalo svoboda,
nič resničnega ni več v meni,
postajam izgubljenec, začenjam
razumevati, da nič ne razumem
razen tega, da izgnanstvo ni več
resnično, ampak nujno. Samo
to nesrečno vrednost imam.*

ПОНТ

*Эвксинский понт. Изгнание... Овидий...
Потеря Рая...
О райских кушах, коих я не видел,
Не вспоминаю:
В тот день, когда себя изгнал гонитель,
В безвестность канув,
Мне мысль о Рае — золотые нити
Для обезьяны...*

*А все, кто был в изгнание отправлен,
Живут, как прежде...
Нельзя того, кто временем отравлен,
Вернуть к надежде,
Зачем-то строим и зачем-то пашем,
Грызём каменья,
Не зная, для чего страданья наши,
К чему уменье...*

*Изгнанье обернулось,
Изгнанье обернулось бы свободой —
Да в пору злую
Я угодил, и вот все эти годы
Не существую...
И не понять мне, что само изгнанье
Подобно дыму,
Теперь оно, как смысл существованья,
Необходимо.*

(перевод В. Бетаки)

В архиве Коцбека сохранился черновой рукописный вариант, в котором «Теперь» и «Понт» объединены в одно стихотворение²⁸.

Публикация стихов Коцбека, одного из первых в Словении борцов с тоталитарной системой в журнале «Континент», издании, противопоставившем себя этой системе, издании, заместителем главного редактора которого был русский писатель Виктор Некрасов, глубоко уважаемый словенским поэтом, — не просто стечение обстоятельств. Это еще один выход словенской поэзии «за пределы своей истории в иной, для нее почти недоступный простор»²⁹, открывающий иностранному читателю новую грань национального поэтического сознания.

²⁸ *Kocbek E. Zbrano delo. Druga knjiga. S. 306.*

²⁹ *Павчек Т. Словенская поэзия XX века // Поэзия Словении XX век. С. 16.*